

Ирина Владимировна ВОЛКОВА

| Пушкинский юбилей 1937 г. для молодых комбатантов Великой Отечественной войны |

Ирина Владимировна ВОЛКОВА

Национальный Исследовательский Университет Высшая школа экономики
105066 Россия, Москва, Старая Басманная улица, 21/4

Школа исторических наук

Доктор исторических наук, профессор

ORCID: 0000-0002-4835-8082

E-mail: wolkowa-irina@yandex.ru

ПУШКИНСКИЙ ЮБИЛЕЙ 1937 г. ДЛЯ МОЛОДЫХ КОМБАТАНТОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Статья освещает роль пушкинского юбилея 1937 г. в становлении молодого фронтового поколения СССР. Представленное в 1937 г. по большей части школьниками, оно заняло привилегированное положение в коммеморативных мероприятиях и стало их главным бенефициаром. Сокращение иерархической и идейной дистанции между «юбиларом» и его молодыми почитателями, их инициатическое посвящение в пушкинский культ во многом предопределило самоопределение молодого поколения. В частности, повлияло на его идентичность, строившуюся на ощущении личного и поколенческого избранничества. Подобно Пушкину, увенчанному лаврами победителя над своими врагами и временем, представители этого поколения видели себя в триумфальном ореоле еще до того, как прогремели первые залпы войны. В надежде на бытие пост-мортем, которую вселял прецедент

Пушкина, многие еще до возникновения обосновывающих это обстоятельств стремились к мифологизации своей жизни и превращению ее в «место памяти». Важное значение для этого поколения имели превращение пушкинского наследия в сакральный символ отечественной культуры и обожествление самого поэта. Необъявленное, но от этого не менее явственное, оно проливалось и на его почитателей из «младого племени». Максимально приблизив их поэту, юбилей сделал каждого немного «Пушкиным», а, значит, отчасти сверхчеловеком.

Ключевые слова: архитектура современной культуры; современное искусство; типология социокультурных пространств; перформативность; перформанс; перформативное пространство.

Пушкинский юбилей 1937 г. давно привлекал внимание исследователей. Он изучался и в узких аспектах (символики, словесных клише – характеристик Пушкина, изменений в преподавании школьной литературы), и в контексте поворотных моментов культурной политики государства¹. Некоторые ис-

следователи рассматривают его как важный этап становления устойчивого пушкинского канона и освоения дореволюционного культурного наследия. И даже больше – как акт присвое-

«Полтораки», 2021. – С. 125–132; Карпенко, Т.Ю. Карпенко, Л.Б. Юбилейные «языковые клише» о Пушкине, или поэт на службе государства // Вестник Самарского государственного университета. Сер. История, педагогика, литературоведение, языковедение. – 2016. – № 4. – С. 72–79; Malinovskaya, O. (2015). Teaching Russian Classics in Secondary School Under Stalin (1936–1941). Doctor Diss. Trinity Term, Lincoln College. – P.156–158.

¹ Гуркина, Н.К. Символика пушкинского юбилея 1937 года // Общественная атмосфера накануне войн XIX-XX вв.: историко-психологические аспекты: материалы XLIX международной научной конференции – СПб: ООО

Ирина Владимировна ВОЛКОВА

| Пушкинский юбилей 1937 г. для молодых комбатантов Великой Отечественной войны |

ния символического капитала старой России сталинской культурой, соответствующий ее повороту в сторону неоклассицизма и консерватизма². К. Шлегель – автор книги о Москве 1937 г. – полагает, что после долгих революционных шатаний юбилей решал задачу восстановления культурных норм и универсальных ценностей, а кроме того, приобщения широких масс к классической литературе³. Ю. Дружников считает, что он был направлен на закрепление русско-центричной культурной политики, проводившейся в расчете на укрепление поддержки среди русскоязычного населения в преддверии войны⁴. По мнению Д.Л. Бранденбергера, пушкинские дни, превратившие поэта в икону русской литературы и первого национального поэта, были первой масштабной обкаткой идеологии национал-большевизма, которую советское руководство начало продвигать с середины 1930-х в противовес прежней идеологии пролетарского интернационализма и культа исключительно советских героев⁵. В одной из недавних публикаций указывается на «богостроительный» подтекст юбилейных практик и их устремленность к созданию образа русского сверхчеловека⁶.

² Slater, W. (1999) “The Patriots' Pushkin”, *Slavic Review*. No №2. – P. 414-415; Николаев, Р.М. Попов, Е.А. Литературные юбилеи в СССР и практики коммеморации в сталинской культуре // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. – 2021– № 4. – С. 107–109.

³ Шлегель, К. Террор и мечта. Москва 1937. – М.: РОС-СПЭН, 2011. – С.185, 190, 201.

⁴ Дружников, Ю. Пушкин, Сталин и другие поэты: 1993. URL <https://www.druzhnikov.com/text/rass/duel/9.html> (дата обращения 15.08.2022)

⁵ Бранденбергер, Д.Л. Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального сознания – СПб.: Академический проект, 2009. – С. 58–59.

⁶ Можегов, В.И. Идеология богостроительства как основание культа А. С. Пушкина в СССР // Ярославский педагогический вестник. – 2018. – № 4. – С. 288–292

Из двух монографий, посвященных юбилею, одна, написанная Ю. Молоком, освещает представления мастеров культуры о том, как должен был выглядеть советский скульптурный памятник Пушкина в контексте тех значений, которые юбилей придал его наследию и личности⁷. Другая, принадлежащая американскому культурологу Дж.Б. Платту, раскрывает столкновение и гибридное соединение в юбилейных торжествах двух кругозоров – монументального, воплощавшего хронотопическую удаленность от пушкинских дней, и эсхатологического, построенного на сближении Пушкина с современностью и интенции интегрировать его во внетемпоральную коммунистическую будущность⁸. Не оспаривая правомерности этого подхода, отметим, что, он вряд ли продуктивен для изучения многомерного воздействия юбилейных событий на устроения и поведение его наиболее активных и заинтересованных групп участников. Это замечание относится к юным советским гражданам, для которых юбилей стал важным этапом взросления, а с учетом того, что большинству из них в ближайшем будущем предстояло стать защитниками страны, еще и этапом подготовки к этой миссии. По словам фронтовика и историка А.Ф. Смирнова, «светлой памяти юбилей 1937 г.» сформировал поколение будущих победителей⁹. Ученые и ветераны войны И.М. Дьяконов и М.М. Кирпичников заявляли, что ход войны повернула образован-

⁷ Молок, Ю. Пушкин в 1937 году. Материалы и исследования по иконографии. – М.: Новое литературное обозрение, 2000. – С. 26–54.

⁸ Платт, Дж. Б. «Здравствуй, Пушкин!» Сталинская культурная политика и русский национальный поэт – СПб.: Издательство Европейского Университета, 2017. – С.20, 25–26

⁹ Смирнов, А.Ф. Воин духа. Памяти выдающегося историка Анатолия Филипповича Смирнова .2009: URL: <https://pravoslavie.ru/37781.html> (дата обращения: 17.08.2022)

Ирина Владимировна ВОЛКОВА

| Пушкинский юбилей 1937 г. для молодых комбатантов Великой Отечественной войны |

ная молодежь, читавшая Пушкина и Толстого¹⁰. Однако каким образом и в каком направлении осуществлялось влияние Пушкина, эти признания не раскрывают. Именно эта проблема стоит в центре внимания данной статьи. В свою очередь, ее решение требует ответа на более частные вопросы: о гранях пушкинского мифа, актуализированных в молодежном дискурсе, о культурной матрице, определявшей восприятие поэта молодым поколением; о позиционировании последнего относительно национального кумира.

«Пушкин наш!»

Победоносное возвращение Пушкина в культурное пространство страны середины и второй половины 1930-х гг. было мотивировано не только заинтересованностью властей в возвращении русских культурных символов, способных идеологически укрепить советскую имперскость, как это подчеркивается в литературе, но и выходом СССР на новые рубежи стратегического планирования со второй половины 1930-х. В частности, ожидаемым достижением экономического превосходства над США в ближней исторической перспективе и переходом к фазе развернутого строительства коммунизма¹¹. Установка на превращение СССР в абсолютного мирового лидера и зачинателя коммунистической эры кардинально меняла угол зрения на историю: важнейшие события советского периода отныне рассматривались как переломные грани мировой истории XX в.¹², а царская Россия в своих наивысших достижениях переставала изображаться эпигоном передо-

вых европейских государств¹³. Если еще недавно раздавались призывы сбросить с «парохода современности» бывшие авторитеты, то теперь, наоборот, предстояло нагрузить тот же «пароход» великими именами, которые могли бы обосновать учительскую роль по отношению Западу Советского Союза как страны с богатыми культурными традициями.

Логика вещей – широчайший горизонт интересов и познаний Пушкина, с отмеченной еще Ф.М. Достоевским «всемирной отзывчивостью» пушкинского творчества, ставили его фигуру в центр нового геополитического и культурного курса. Один из главных юбилейных авторов и ораторов профессор Б.В. Томашевский возглашал: «Благодаря ему русская литература с лихвой вернула Европе свой долг за длительную выучку»¹⁴. Однако интеграция творчества Пушкина в мировой историко-культурный контекст вовсе не означала его позиционирования как гражданина мира. «Пушкин наш!» – возглашал председатель Пушкинского комитета нарком просвещения РСФСР А.С. Бубнов: «Пушкин принадлежит... народам СССР, которые под великим знаменем Ленина-Сталина идут к коммунизму»¹⁵. Мощный запал юбилейной риторики был затрачен на обоснование генетической связи поэта с советскими идеалами, в частности, его идейной близости к «первенцам свободы» в русском революционном движении, его враждебного отношения к крепостному праву и самодержавию, церкви и клерикализму, капиталу и национальному угнетению. С не меньшей экспрессивностью под-

¹⁰ Дьяконов, И.М. Книга воспоминаний. – СПб.: Европейский дом, 1995. – С. 620.

¹¹ Сталин, И.В. Соч. Т.14. Изд.2. – М.: Информационно-издательский центр «Союз», 2007. – С. 403, 419–420.

¹² Историю – в школу: создание первых советских учебников / Сост. С. Кудряшов. – М.: Архив Президента РФ, 2008. – С.122

¹³ Сивков, К. В помощь преподавателю истории. Культурная реформа Петра I // Учительская газета. – 1938. – 3 января. – С. 3.

¹⁴ Томашевский, Б.В. Проза // Смена. – 1936. – № 9. – С. 34.

¹⁵ Пушкинское празднество // Рабочая Москва. – 1937. – 11 февраля – С. 11.

Ирина Владимировна ВОЛКОВА

| Пушкинский юбилей 1937 г. для молодых комбатантов Великой Отечественной войны |

черкивалась встречная враждебность к поэту властей и косного дворянства, которые отравляли его дни, а после смерти замалчивали или искажали его облик и творчество, препятствовали проникновению последнего в народные массы¹⁶. В этой связи заостренный юбилеем вопрос о коллективном субъекте – наследнике поэта, однозначно решался в пользу его советских почитателей, а не разметанных по свету обломков старой России¹⁷. Юбилей был ознаменован символическим утверждением Пушкина в советском гражданстве: 10 февраля 1937 г. 25-тысячная толпа собралась у опекушинского памятника, украшенного белыми маргаритками, в окружении установленных над его головой портретов Ленина, Сталина, Ежова. Под звуки Интернационала, исполняемого оркестром, с пьедестала был снят чехол, открыв очищенное от прежнего искажения подлинное четверостишие:

И долго буду тем любезен я народу,
 Что чувства добрые я лирой пробуждал,
 Что в мой жестокий век восславил я свободу
 И милость к падшим призывал¹⁸.

Собственно, вся череда коммеморативных мероприятий была выстроена таким образом, чтобы продемонстрировать, как говорил филолог и чиновник от литературы В.Я. Кирп-

тин, «всенародный поход для овладения художественным наследием гения»¹⁹. По отчетам с мест, которые ежедневно публиковала пресса, Пушкин добирался до самых глухих углов страны и людей, не затронутых культурным влиянием. Столь же регулярно печать и радио предоставляли слово неискушенным ценителям поэта. Как считают Е. Добренко и К. Шлегель, эта открытость к суждениям «простого человека» возрождала свойственный культурной политике 1920-х подход к народным художественным вкусам как к камертону для профессионалов²⁰. Соглашаясь с этим мнением, следует добавить, что все же в приоритете у организаторов юбилея были две группы «народных пушкинистов». В первую входили знатные люди страны Советов: орденосцы – представители физического и умственного труда, производственники-стахановцы, которые, если и не уравнивались, то сближались с Пушкиным по ценности своих достижений. СМИ с энтузиазмом рассказывали о том, как «знатнейший человек русской литературы» Пушкин приходил в гости к «знатым людям полей и заводов», и приводили высказывания последних о поэте²¹.

Вторая фаворитная группа охватывала все подрастающее поколение. О его особой роли говорил тот факт, что председателем Всесоюзного Пушкинского комитета бы назначен главный начальник учащихся – нарком просвещения А.С. Бубнов. На юных граждан в первую очередь была рассчитана кинопродукция, произведенная к юбилею: «Путешествие в Арз-

¹⁶ Грушкин, А. Пушкин и проблема народности // Литературный современник. – 1937. – № 1. – С. 114–124; Мейлах, Б. Наследие Пушкина и социалистическая культура // Красная новь. – 1937. – № 1. – С. 111–125.

¹⁷ «Наследниками поэта являемся мы, рабочий класс и трудящиеся СССР», – заявляла пресса: Ленинградская правда. – 1937. – 14 февраля. – С. 2.

¹⁸ Митинг на Пушкинской площади // Известия. 1937. – 11 февраля – С. 1; Шлегель, К. –Террор и мечта. Москва 1937. – М.: РОССПЭН, 2011. – С. 189.

¹⁹ Кирпотин, В.Я. Пушкинское наследство // За коммунистическое просвещение. – 1937. – 10 января. – С. 3.

²⁰ Добренко, Е. Формовка советского читателя. Социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. – М.: Академический Проект, 1997. – С. 96–98; Шлегель, К. Террор и мечта. Москва 1937. – М.: РОССПЭН, 2011. – С. 188.

²¹ Николаев, С. Народная тропа // Огонек. – 1937. – № 2–3. – С. 20.

Ирина Владимировна ВОЛКОВА

| Пушкинский юбилей 1937 г. для молодых комбатантов Великой Отечественной войны |

рум», «Юность поэта» – в последней ленте главную роль исполнил школьник В. Литовский. Центральный дом художественного воспитания в Москве объявил конкурс на лучший детский рисунок по пушкинской тематике и вскоре получил более 5 тыс. произведений из разных уголков страны²². Печать регулярно знакомила страну со стихами, рисунками, изваяниями, сочинениями школьников на пушкинские темы. Детскому творчеству отводился отдельный 15-й зал Всесоюзной Пушкинской выставки, открывшейся 16 февраля 1937 г. в Историческом музее в Москве²³. Календарь юбилейных мероприятий был также плотно занят школьниками. 10 февраля они участвовали в митинге на Пушкинской площади, открывавшем пушкинские дни. Одному из старшеклассников, наравне с маститыми и титулованными ораторами, доверялось произнесение речи. В тот же день вечером учащиеся присутствовали и в зрительном зале, и на сцене Колонного зала Дома Союзов, где проходил большой концерт, а в фойе выставлялись детские работы. Аналогичные мероприятия проводились и в других городах. Школьники принимали участие в читках пушкинских произведений, концертах, инсценировках, конференциях, предусмотренных для взрослой аудитории во всех населенных пунктах страны. Часто они становились главным передаточным звеном в ознакомлении своих земляков с наследием поэта и посвященной ему художественной продукции.

Помимо слов «Товарищ, верь, взойдет она, звезда пленительного счастья!», девизом чествования поэта стала строка из его стихотворения «И вновь я посетил» – «Здравствуй, племя младое, незнакомое!». Переадресованное устроителями юному поколению и поднимавшее его над остальными участниками торжеств, это обращение поэта получило живой отклик советских детей. «Сто лет назад жил и писал Пушкин. Но писал он для нас... «Здравствуй племя младое, незнакомое!» – утверждала шестиклассница из Пятигорска Майя Вайнштейн²⁴. Ей вторил десятиклассник из Москвы Евгений Таратута: «Здравствуй, племя младое, незнакомое!» Мы чувствуем и знаем, что великий поэт в этом стихотворении обращался к нам. Мы – то племя жизнерадостных, свободных, счастливых людей, о котором страстно всю жизнь мечтал Александр Сергеевич»²⁵. Упоминая слова Н.В. Гоголя о Пушкине как о «русском человеке в его конечном развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет», литературовед В. Шкловский возвещал, что такой человек уже явился в наши дни²⁶. Помимо героев труда и обороны, выдающихся деятелей искусства и науки, это заключение относилось и к продукции новой системы воспитания – юным гражданам страны Советов. С напутствием покорить такие же вершины в учебе и своем будущем профессиональном деле, каких достиг Пушкин в литературе, к ним обращался поэт Л. Безыменский, лично вышедший из комсомольского возраста, но, по словам М. Туров-

²² Газетные информации о проведении мероприятий, посвященных Пушкинским дням на территории Советского Союза // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 305 (Пушкинский комитет), оп.1. – Д.17. – Л. 46.

²³ Попов, П. Всесоюзная Пушкинская выставка//Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. – М.-Л.: Издательство АН СССР, 1937. – Вып. 3. – С. 517–524

²⁴ Вайнштейн, М. Ты, видишь, Пушкин, вот где он расцвет пленительного счастья... // Колхозные ребята. – 1937. – № 3. – С. 3.

²⁵ Таратута, Е. Любимый из любимых // Пионерская правда. – 1937. – 28 января. – С. 3.

²⁶ Шкловский, В. Мятая жизнь (биографический очерк) // Смена. – 1936. – № 9. – С. 13.

Ирина Владимировна ВОЛКОВА

| Пушкинский юбилей 1937 г. для молодых комбатантов Великой Отечественной войны |

ской, обладавший острым «чутьем комсомольского поэта»²⁷:

А в нашей стране мы хотим,
чтоб любой,
Чтоб все боевые друзья и под-
дружки
Росли, соревнуясь в работе с
тобой,
С тобой, Александр Сергее-
вич Пушкин!²⁸

Получая авансом, в счет предстоящих свершений, особые преференции, представители молодого поколения клялись перед священной памятью поэта оправдать эти ожидания. В частности, молодой рабочий поэт Альтшуллер писал:

Здравствуй, Александр Сер-
геич!
Наше сталинское племя
Наше племя молодое,
И твое большое имя
Высоко на щит поднимет
Понесет в боях грядущих
До невиданной победы,
До победы коммунизма!²⁹

Выдвижение детей и юношества на передний край юбилейных событий обуславливалось довольно значительной ролью, которая вообще отводилась этой возрастной категории в правительственной политике. Как пишет Л. Киршенбаум, сталинскую революцию «сверху» сопровождала пропагандистская кампания, отождествлявшая интересы государства и юных граждан страны. Они объявлялись союзниками

в борьбе против всего старого и косного. Этот сигнал «сверху», воспринятый «внизу», в детском сообществе, обострил меж-поколенческий конфликт, влившийся в «наступление социализма по всему фронту», а заодно принес Сталину поддержку молодых в битве со старой партийной «гвардией»³⁰. Можно думать, что, запуская новую культурную политику с акцентом на русских национальных символах, главный политический заказчик также видел в молодом поколении и ее основной адресат, и опору в продвижении.

«Наше всё» и «всё не наше»

Простор для инициатив, открытый школьникам, вместе с сокращением иерархической и идейной дистанции, отделявшей их от объекта чествования, стимулировал детскую биографику поэта. Если в публикациях официальных литературоведов и публицистов еще встречались глухие упоминания о прижизненном признании Пушкина, попытке Николая I предотвратить его дуэль и последних милостях царя умирающему поэту, то в детско-юношеской версии они априори исключались. Под пером юных пушкинистов жизненный путь поэта выстраивался как неравный бой, который тот до самого конца вел с силами реакции во главе с царем. И хотя последним удалось свести с ним счеты, эта победа оказалась пирровой. Как и кинематографический Чапаев – артист Б.А. Бабочкин, юное поколение было убеждено, что Пушкин – абсолютный победитель, и в этом качестве навсегда утверждён в СССР³¹.

²⁷ Туровская, М. Зубы дракона. Мои 30-е годы. – М.: АСТ, 2015. – С. 112.

²⁸ Речь поэта Безыменского // Правда. – 1937. – 11 февраля. – С. 4.

²⁹ Кондратьева, Т. Здравствуй, Александр Сергеевич! // Смена. – 1936. – № 9. – С. 43.

³⁰ Kirschenbaum, L.A. (2001) *Small Comrades. Revolutionizing Childhood in Soviet Russia, 1917–1932*. Routledge, New York. – P. 152, 164.

³¹ Молок, Ю. Пушкин в 1937 году. Материалы и исследования по иконографии. – М.: Новое литературное обозрение, 2000. – С. 54.

Ирина Владимировна ВОЛКОВА

| Пушкинский юбилей 1937 г. для молодых комбатантов Великой Отечественной войны |

Стихами, прозой восставал
Против царя и против строя
Сраженный пулей он упал
Погиб поэт, погиб героем...
Годы бегут в стране Советов
Тебя мы чтим и будем чтить!

– писал, выражая практически единодушное мнение своих сверстников, ученик школы ФЗУ с Украины³². К. Чуковский, который из всех литераторов наиболее полно окупился в поток детского юбилейного творчества, подтверждал, что все его образцы воспроизводили «представление о Пушкине как о борце и герое»³³. Нетрудно догадаться, что подобная переосмысленность отражала обратную связь с воспитанием на героических примерах, которое в 1930-е пронизывало как школьное образование, так и внешкольное детско-юношеское просвещение. Больше того – жизнеописание поэта в детских сочинениях явственно сдвигалось к агиографии пламенных революционеров. В этой модификации оно играло на руку властям за счет того, что, во-первых, отбрасывало отблеск пушкинской славы на кремлевских вождей, включая Сталина, которые прошли опыт царской тюрьмы, ссылки и соответственно частично разделяли судьбу поэта. А, во-вторых, за счет того, что, наравне с другими бессмертными героями страны Советов, интегрировало Пушкина в текущую общественную жизнь.

В этом злободневном контексте его имя попадало в поле высокого напряжения. Плавное календарное перетекание второго «московского процесса» конца января, с сопутствующими ему массовой истерией и призывами «стереть с лица земли фашистских гадов!», в пушкинскую декаду февраля, предопределило ее двухполюс-

ную эмоциональную структуру. Десятиклассник 29-й школы Москвы Е. Зайончковский, выступавший в Колонном зале, заявлял, что все его сверстники, как один, «шлют проклятие убийцам поэта»³⁴. К. Чуковский, не понаслышке знавший настроения ребят, констатировал, что Пушкин для них стал родным и близким, а, вот, Бенкендорф или Дантес не имели шансов уцелеть, попади они в их руки: «растерзали бы их школьники на месте! Не дали бы и слова сказать!»³⁵.

Выступавший на торжественном собрании в Большом театре от лица молодых Л. А. Безыменский ставил Пушкина в эпицентр текущей борьбы, в которой недруги поэта объединялись с врагами советского народа:

Ты, слышишь ли, Пушкин,
команду «Стреляй!
Ты видишь костров огневую
завесу?
Там в Пушкиных целит
Адольф-Николай
Руками кровавых фашистских
Дантесов!»³⁶

И если имена фигурантов московских политических процессов опускались в этих строчках, то по умолчанию подразумевались среди тех, кто мог бы нанести подлый удар по предмету гордости советского народа. Чуждое такту и полутонам детско-юношеское творчество подхватывало и продолжало эту линию. Ярость, которую совсем недавно подростки обрушивали на «троцкистских прислужников», теперь обращалась не только против прижиз-

³² Приходько, И. Поэт и царь // Більшовицький шлях. – 1936. 22 травень. – С. 2.

³³ Чуковский, К. «Племя младое...» URL: www.chukfamily.ru (дата обращения: 29.07.2022)

³⁴ Материалы юбилея столетней годовщины со дня смерти А.С. Пушкина // Центральный Государственный Архив Москвы (ЦГАМ). – Ф. 528, оп.1. – Д. 486. – Л. 29.

³⁵ Чуковский, К. «Племя младое...» URL: www.chukfamily.ru (дата обращения: 29.07.2022)

³⁶ Речь поэта Безыменского // Правда. – 1937. – 11 февраля. – С. 4.

Ирина Владимировна ВОЛКОВА

| Пушкинский юбилей 1937 г. для молодых комбатантов Великой Отечественной войны |

ненных, но и после-смертных врагов поэта. Главный школьный оратор 10 февраля А. Дубровский провозглашал: «Гнев наполняет нас при мысли, что Пушкина, этого гиганта человеческой мысли, тупой и бездарный тиран Николай I травил, гонял с места на место... Гнев наполняет нас при мысли, что Пушкина рукою ничтожного Дантеса столкнуло в могилу царское самодержавие. Вот почему вместе с любовью к Пушкину в нас крепнет ненависть к проклятому прошлому, в нас крепнет ненависть к врагам народа»³⁷. Иными словами, представитель советских школьников делал заявку на включение сквозного юбилейного сюжета – заговора злокозненных сил против гениального выразителя народных чаяний – в большой исторический нарратив, с его экстраполяцией на современную ситуацию. Интересно, что контуры такого подхода прослеживалось во многих образцах детской творческой деятельности. В них тот, кого с легкой руки А. Григорьева было принято именовать «нашим всем», становился точкой притяжения пламенных революционеров, советских вождей, культовых героев гражданской войны, авторов выдающихся советских рекордов, честных тружеников города и села, красноармейцев и пограничников, стоящих на страже социалистической родины, советской детворы и юношества, вдохновляющихся идеалами коммунизма. По другую сторону баррикады размещались все «не наши»: цари и их прислужники, помещики и буржуазия, «белые», шпионы и диверсанты, вредители и «троцкисты», а также внешние враги, готовые к новому походу против СССР.

В хронике юбилея можно отыскать немало примеров такого синкретического объеди-

³⁷ Материалы юбилея столетней годовщины со дня смерти А.С. Пушкина // Центральный Государственный Архив Москвы (ЦГАМ). – Ф. 528, оп.1. – Д. 486. – Л. 29.

нения фигур и символов из разных культурно-идеологических полей в едином массиве. Скажем, в карнавальной шествии в селе Михайловском вслед за Татьяной, одетой в ампирное платье поверх тулупа, шли царевна-лебедь, богатыри, ехали в кибитке Емельян Пугачев с капитанской дочкой, а на тачанке школьников восседали Чапаев с Петькой. На замечание приезжего гостя о том, что Пушкин о Чапаеве вроде бы не писал, местный колхозник невозмутимо ответил: «А для нас это все одно»³⁸. Похожую интеграцию всего «нашего» и положительного в детском сознании демонстрировали портреты маленького Пушкина в красном пионерском галстуке, убежденность детей в том, что, живи поэт в одно с ними время, обязательно разделит бы их чувства – ненависть к фашизму и восхищение советскими достижениями, например, перестроенной и похорошевшей Москвой. А «не нашего» и отрицательного – изображение Дантеса в германском мундире со свастикой на рукаве³⁹. С одной стороны, расставленные коллективным воображением, как на шахматной доске, друг против друга «черные» и «белые» фигуры были репликой социальной инженерии власти, вычищавшей, по словам А. Вайнера, «контрпродуктивные» и поддерживавшей «продуктивные» элементы. Присущие всему проекту модернити, но применявшиеся в либеральных демократиях Запада выборочно, эти технологии, по мнению Вайнера, приобрели тотальное значение в советской практике ввиду миллениаризма большевиков и их стремления обеспечить себе надежные тылы в ожидании

³⁸ Молок, Ю. Пушкин в 1937 году. Материалы и исследования по иконографии. – М.: Новое литературное обозрение, 2000. – С. 31.

³⁹ Чуковский, К. «Племя младое...» URL: www.chukfamily.ru (дата обращения: 29.07.2022); Либединская Л. Зеленая лампа (сборник). – М.: ЛитРес, 2012. – С. 19.

СОВРЕМЕННЫЙ ТАНЕЦ В ЭПОХУ ПЕРФОРМАТИВНОСТИ: ОТ ДВИЖЕНИЯ К ПРИСУТСТВИЮ

Ирина Владимировна ВОЛКОВА

| Пушкинский юбилей 1937 г. для молодых комбатантов Великой Отечественной войны |

войны⁴⁰. С другой стороны, в такой композиции можно усмотреть выражение бинарной логики, выступавшей побочным эффектом социального управления при помощи террора и энтузиазма, конфронтации и консолидации⁴¹.

Как бы то ни было, логическим завершением политического размежевания, совершающегося внутри мифа, становилась участь *post-mortem*, которой наделялись его герои и антигерои. В одних случаях врагов Пушкина ожидал одномоментный расчет, отправлявший их на свалку истории. Так, например, московская семиклассница заверяла поэта в отмщении:

Поэт любимый наш,
Ты можешь быть спокойным.
Поднявши твой упавший пистолет,
Мы отомстили царском режиму,
Мы без него живем уж двадцать лет»⁴²

В других случаях антигерои виртуально воскрешались только для того, чтобы получить Каинову печать и вечные мытарства. Именно такой прием применял к Дантесу Б. Кежун в стихотворении, опубликованном журналом «Юный пролетарий»: восставшего из гроба убийцу поэта ветер относил к известной могиле в Пушкиногорье, где его взору представала следующая картина:

Над могилой птицы летают,
Солнце льет сияющий свет.
Над могилой стихи читает
Молодой рабочий поэт.

Убегавший с этого места мрачный и неприкаянный Дантес бродил по стране, /”от рассвета и до рассвета, ускоряя свои шаги. Все в России друзья поэта и его, Дантеса, враги”⁴³.

Пушкинская иммортология

Совершенно иная посмертная судьба предусматривалась для героев мифа и, прежде всего, для великого поэта. Юбилейные торжества воплотили несколько сценариев его обесмерчивания. Первый, традиционный, констатировал вечную молодость Пушкина и неизбывную востребованность его творчества в потомстве. Например, десятиклассник из Оренбургской области в своем посвящении ему писал:

Пройдут еще ряды столетий,
А ты, певец, все будешь петь.
Твои труды не знают смерти,
И ты не можешь умереть.⁴⁴

Второй сценарий основывался на перформативном акте – призыве к поэту восстать из мертвых и перенестись в актуальное настоящее время. Эту волю настойчиво выражали некоторые юные авторы:

Александр Сергеич, проснитесь скорее,
Оглянитесь кругом и скажите в ответ:
Узнаете ль вы сад родной близ лица

⁴⁰ Weiner, A. (2002) *Making Sense of Revolution. The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution* – Princeton University Press. – P. 28–30, 32.

⁴¹ Красильников, С.А. 1930-й год как пролог большого террора // История сталинизма: жизнь в терроре. Социальные аспекты репрессий. – М.: РОССПЭН, 2013. – С.117; Круглова, Т.А. Антропологические трансформации и художественные репрезентации жизни в терроре: страх и энтузиазм как мотивы соцреализма // Там же. – С. 227–228.

⁴² Материалы юбилея столетней годовщины со дня смерти А.С. Пушкина // Центральный Государственный Архив Москвы (ЦГАМ). – Ф. 528, оп.1. – Д. 486. – Л. 43.

⁴³ Кежун, Б. Пушкин // Юный пролетарий. 1936. – № 19–20. – С. 25.

⁴⁴ Левандовский, В. Здравствуй, племя, младое, знакомое! // Пушкин в Оренбурге. – Оренбургское областное издательство, 1937. – С. 55.

Ирина Владимировна ВОЛКОВА

| Пушкинский юбилей 1937 г. для молодых комбатантов Великой Отечественной войны |

И Село дорогое – я думаю,
нет.⁴⁵

Чаяние воскрешения поэта, отсылавшее к федоровскому учению о возвращении умерших, проступало в ауре торжества и радости, которая окружала его последнее пристанище в процитированной выше строфе Б. Кежуна. Оно же преломлялось в образе могилы – колыбели, который, возможно, и не вполне осознанно использовали советские посетители пушкинского захоронения у Святогорского монастыря: ухаживающая за ним служительница погоста была прозвана «няней Пушкина»⁴⁶. Какими бы, однако, не были горячим желание вернуть поэта и повелительным тон воззваний к нему восстать из гроба, они в лучшем случае порождали поэтические миражи встреч с ним, которые быстро исчезали, ставя юных «визионеров» перед фактом необратимости смерти: /“Мы уныло очнулись от мечтаний. Предо мной теперь одна лишь скорбная могила, и я стою с открытой головой”⁴⁷.

Иную перспективу открывал третий коммеморативный сценарий. В его рамках главный герой возвращался к жизни по ходу многодневного коллективного ритуала, с приношением ему разнообразных даров, наподобие того, как это происходило в древних мистериях. И хотя каждая трудовая, учебная, воинская ячейка советского общества принесла свою дань памяти поэта, с наибольшей полнотой и

выразительностью этот сценарий реализовался в школьном пространстве.

Подготовка к нему начиналась задолго до официального открытия юбилея: по сути весь учебный 1936–1937 год прошел под знаком освоения наследия Пушкина, а с 10 по 20 февраля 1937 г., т.е. собственно в пушкинскую декаду, школьники показывали результаты своей работы. По заданию Наркомпроса в каждой школе создавался литературный кружок по изучению произведений Пушкина; составлялись посвященные ему литературные альбомы, альманахи и стенгазеты, устраивались викторины и олимпиады на знание его произведений, проводились многочасовые репетиции театральных постановок и концертных номеров. В каждой школе оформлялся пушкинский уголок, который стараниями учителей и учеников превращался в атмосферный дом-музей поэта. Дж. Б. Платт обращает внимание на «воскресительный» характер таких экспозиций, которые столько же переносили поэта в настоящее, сколько посетителей в прошлое. Граница, отделяющая тех, кто воссоздавал пушкинский быт, и того, кто когда-то жил в нем, оказывалась подвижной и проницаемой. В отдельных случаях о ней напоминала искусственная преграда, вроде шлагбаума или сторожевой будки⁴⁸, или же пушкинский опознавательный «знак», вроде нарисованного на холсте и подсвеченного изнутри темного силуэта опекушинского памятника в московской 110-й школе⁴⁹. Юбилей сопровождался множественными конкурсами юных талантов и породил бесчисленное количество художественных артефактов – от рисунков

⁴⁵ Дети Советского Союза Пушкину. Стихи, написанные к пушкинским дням // Костер. – 1937. – № 2. – С. 100.

⁴⁶ Иванов, С.П. Берегите, собирайте Пушкина. Он «собрал Россию...» Могила Пушкина и Святогорский монастырь до и после юбилейных торжеств 1937 года (по страницам записи Книг-впечатлений музея-заповедника // Псков. – 2012. – № 37. – С. 214.

⁴⁷ Дети Советского Союза Пушкину. Стихи, написанные к пушкинским дням // Костер. – 1937. – №2. – С. 101.

⁴⁸ Платт, Дж. Б. «Здравствуй, Пушкин!» Сталинская культурная политика и русский национальный поэт – СПб.: Издательство Европейского Университета, 2017. – С. 139.

⁴⁹ Сто десятая. Сб. ст. / Ред. В. Потресов. – М.: Пальмира, 2009. – С. 194.

Ирина Владимировна ВОЛКОВА

| Пушкинский юбилей 1937 г. для молодых комбатантов Великой Отечественной войны |

и макетов-реконструкций сцен пушкинских произведений и событий его биографии до карнавальных костюмов и ледяных изваяний его литературных персонажей⁵⁰.

10 февраля во всех советских школах было только три урока. После этого проводилось торжественное собрание с докладами о жизни и творчестве поэта, перемежаемыми декламацией его текстов, исполнением арий и романсов на его слова. Тем временем на митинге трудящихся последний из выступавших – десятиклассник А. Дубровский произносил заключительные слова, обращаясь к фигуре Пушкина на постаменте: «Ты доживаешь сейчас недожитое. Слава тебе, Пушкин!»⁵¹. Это восклицание с энтузиазмом подхватывала площадь. Подобно первосвященнику мистериального культа, возвещавшему спасение и новое явление божества, старшеклассник декларировал присутствие Пушкина в статусе живого. Больше того – водворение его раз-воплощенного с 1837 г. духа в материальную оболочку памятника, недоступную деструктивным воздействиям, но способную обеспечить ему счастливое продолжение бытия вместе со своим народом.

Весть о «живом» Пушкине повторялась на всех школьных площадках, где завершалась торжественная часть собрания. Она радикально меняла его тональность с поминальной на праздничную, подобно тому, как это происходило в орфических и дионисийских ритуалах, мистериях Атиса, Адониса и Осириса. Сосредоточенные вначале на «божественных страстях»

и молчаливом отчаянии участников, после известия о воскрешении божества они разряжались экстатическими переживаниями присутствующих, снимавшими психическое напряжение. В процессе дальнейшего празднества с карнавальным переодеванием, музыкой, танцами, ритуальной трапезой неопит удостаивался божественной эпифании, приобщался к сакральному знанию и сверхспособностям культового персонажа, вплоть до обретения его бессмертного статуса⁵².

В той же логике вторая часть коммеморации Пушкина, утверждая его присутствие среди живых, вызвала бурную радость и, даже, пусть на время, вытесняла тревожно-панические настроения, которыми была охвачена часть детской аудитории в главный год Большого террора. Не случайно одна из таких школьниц, характеризуя 1937 г., в первую очередь вспоминала, как «веселое имя Пушкина летело по всей стране», «мы, школьники, ходили, как пьяные от пушкинских стихов» и говорили о Пушкине как о живом⁵³. Вечера, концерты, балы, карнавалы, смотры детской художественной самодеятельности, экскурсии в пушкинские места, которыми была заполнена пушкинская декада с конца 10 февраля, становились действенными каналами связи советского «младого племени» с поэтом. Вот, как, например, это происходило в свердловском театре, где на пушкинский вечер собрались учащиеся разных учебных заведений: «Наш новый советский город говорит тысячами плакатов и портретов: «Пушкин здесь! Александр Сергеевич с

⁵⁰ Таубина, Л. Готовимся к пушкинскому юбилею // Вождь. – 1937. – № 1. – С. 27–28;

Толстов, А.С. Пушкин в школе // Красная новь. – 1937 – № 1. – С. 224; Александров, В. Подготовка и проведение Пушкинского юбилея в СССР // Временник Пушкинской комиссии. – Вып. 3.– М.-Л.: Издательство АН СССР, 1937. – С. 505.

⁵¹ Митинг у памятника // Комсомольская правда. – 1937. – 11 февраля. – С. 2.

⁵² Торчинов, Е. Религии мира: опыт запредельного. Психотехника и трансперсональные состояния. – СПб.: Азбука-Классика, 2005. – С. 167, 170; Элиаде, М. История веры и религиозных идей от Гаутамы Будды до триумфа христианства. – М.: Академический проект, 2012. – С. 317, 320–321.

⁵³ Либединская, Л. Зеленая лампа (сборник). – М.: ЛитРес, 2012. – С. 19.

Ирина Владимировна ВОЛКОВА

| Пушкинский юбилей 1937 г. для молодых комбатантов Великой Отечественной войны |

нами!»... Пушкин вездесущ! В оживленных разговорах звучат его фразы, остроты, эпитетов... Вот один, отряхивая пальто, смеясь, говорит товарищу:

– Морозной пылью серебрится его бобровый воротник!

– Ты ведь хотел сегодня работать?

– А я прямо из института, как Чацкий, с корабля на бал.

Поэт здесь!».

Этот факт подтверждали выходившие на сцену школьники, загримированные и одетые героями пушкинских произведений. Под ликующий рев зала они представлялись: «Я – дочь коменданта Белогорской крепости капитана Миронова», «Тень Грозного меня усыновила... Димитрий я!». В пушкинскую среду переносил бал, для которого были разучены экосез, полонез, мазурка, грациозные поклоны и реверансы, пошиты бальные платья и взяты напрокат офицерские мундиры и мужские фраки⁵⁴. С учетом охвата всей страны похожими мероприятиями можно утверждать, что Пушкин присутствовал повсеместно, где, по словам журналиста В. Григоровича «кружились Татьяны и Черноморы, Заремы и донны Анны, и “братья-разбойники” гремели кандалами, и бесы со свистом носились по зале, и царь Салтан важно поправлял на голове бумажную корону»⁵⁵.

В некоторых случаях, как например, в московском институте нефти им. Губкина, пушкинская теургия обусловила возбужденное и даже нервное течение вечера. Там ведущий сходу объявил, что Пушкин не только жив, но и согласился почтить их собрание своим присут-

ствием. Атмосфера в зале раскалялась по мере уверений ведущего, что поэт уже прибыл, вот он сейчас идет по проходу... В точке «закипания» звучал туш, и, к облегчению аудитории, виновник торжества в виде опекушинского изваяния водворялся на сцене и вступал в беседу с находящимся там же Маяковским, а преподаватели и студенты складывали к его ногам цветы. Несмотря на свою вроде бы неживую плоть, «губкинский» Пушкин взаимодействовал с аудиторией. В частности, добродушно внимал восхищению местного пиита однокурсниками: «Посмотрели б на моих девчат, это ж не девчата – май!» и даже соединял сердца. Так, появившиеся вместе с пушкинскими Земфирой и Алеко «цыгане» обносили женскую и мужскую половины зала корзинами с билетиками: студент, вытянувший один из них, должен был по приведенной цитате опознать произведение Пушкина, назвать имя главного героя и воссоединиться с героиней – студенткой с билетиком из того же произведения⁵⁶.

Очевидно, что задавшийся на славу пушкинский фестиваль вышел далеко за рамки ретрансляции нового культурного курса власти. Если рассматривать юбилейный детско-юношеский сценарий как художественный текст, писавшийся коллективным автором, то можно обнаружить немало сходства с советским романом-ритуалом. Последний, по авторитетному мнению К. Кларк, с 1931 г. двигался в сторону фантастических супергероев, драматических ситуаций, идеализма, с налетом мистики и богостроительных интенций. Основу его фабулы составлял обряд перехода, который главный герой совершал при помощи старшего наставника. Правда, раскрывая две стадии перехода – сепарации и изменения, роман не за-

⁵⁴ Дни памяти А.С. Пушкина в Свердловске в 1937 году / Сост. В. Мазур // Известия УрГУ. – 1999. – № 11. – С. 164–165.

⁵⁵ Григорович, В. Дети о Пушкине // А.С. Пушкин. 1837–1937. Сб. статей и материалов. – Саратов: Саратовское областное издательство, 1937. – С. 106.

⁵⁶ Трегуб, С. Маленький венок из большой пошлости // Комсомольская правда. 1937. – 11 января. – С. 3.

Ирина Владимировна ВОЛКОВА

| Пушкинский юбилей 1937 г. для молодых комбатантов Великой Отечественной войны |

трагивал третью – инкорпорацию героя в более совершенное сообщество⁵⁷. При общности тенденций богостроительства, мистики, нагнетания драматизма юбилейный текст-ритуал шел все же много дальше романа-ритуала. Прежде всего в том отношении, что роль наставника в нем исполнял не зрелый товарищ героя, а литературный творец-демиург, содействовавший глубокой и завершенной трансформации своих адептов, вплоть до наделения их частицей собственной божественной силы и приобщения к сонму избранных.

Инициатическое посвящение в пушкинский культ, с пережитым опытом соединения с кумиром, во многом предопределило идентичность молодых, построенную на ощущении личного и поколенческого избранничества⁵⁸. Подобно Пушкину, увенчанному лаврами победителя над своими врагами и временем, представители этого поколения видели себя в триумфальном ореоле еще до того, как прогремели первые залпы войны. О присущей его ровесникам / “бесовской гордости, что нам одним дано и выстрадать, и победить”/ до войны писал поэт Я. Гальперин, 1924 г. рождения⁵⁹. А товарищ Д. Самойлова М. Молочко, погибший в финскую войну, заблаговременно сочинил для себя и своих друзей путеводную формулу: «Романтика – это будущая война, где победим мы»⁶⁰.

Это же представление о личной и поколенческой эксклюзивности мотивировало усилия по мифологизации своей жизни и ее превращению в «место памяти», предвосхищавшие события, которые могли дать тому обоснование, и нарушавшие канон присвоения герою актуального бессмертия *post-mortem*⁶¹. Такой посыл лежал в основе стихотворных опытов Н. Майорова, составившего в 1940 г. эпическое посвящение своему поколению («*Мы были высоки, русоволосы...*»), М. Кульчицкого, посылавшего еще в 1939 г. поэтический портрет своего поколения («*Бессмертие*») неведомым потомкам. А также во множестве попыток молодых направить весть о себе, облеченную в литературную форму, в пространство публичной памяти до того, как война оборвет их жизнь (это и настенные письма защитников Брестской крепости, и письмо-завещание одноклассникам Ю. Дивильковского, и юношеские дневники Н. Костериной и Л. Федотова, рассчитанные на будущих читателей, и последние письма-исповеди из фашистских застенков, переданные на волю, и устное напутствие живым перед казнью, вроде обращения З. Космодемьянской к жителям с. Петрищево). За этими автопрезентациями, отправленными в будущее, угадывалась надежда на продолжение бытия, вселенная прецедентом Пушкина.

Иеротопия и иерофании Пушкина

Если юбилейные торжества демонстрировали живое и деятельное присутствие Пушкина среди советских людей, то его материальным выражением должен был стать новый па-

⁵⁷ Кларк, К. Советский роман. История как ритуал. – Екатеринбург: издательство Уральского университета, 2002. URL: <https://flibusta.org.ua/b/578415> (дата обращения 02.09.2022)

⁵⁸ Воспоминания о Николае Глазкове / Сост. Р.М. Глазкова, А.В. Терновский. – М.: Советский писатель, 1989. – С. 19, 23; Коржавин, Н. В соблазнах кровавой эпохи. Воспоминания. Т.1. – М.: Захаров, 2007. – С. 230–231; Самойлов, Д. Памятные записки. – М.: Время, 2014. – С. 215; Дубровский, Д.И. Воспоминания. М.: Канон, 2009. – С. 39–40.

⁵⁹ Коржавин, Н. В соблазнах кровавой эпохи. Воспоминания. Т.1. – М.: Захаров, 2007. – С. 231.

⁶⁰ Самойлов, Д. Поденные записки. Т. 1. – М.: Время, 2002. – С. 144.

⁶¹ Малышева, С. Красный танатос. Некросимволизм советской культуры // Археология русской смерти. – 2016. – № 2. – С. 31–32; Маслинская, С.Г. (Леонтьева). Жизнь после смерти: пионеры-герои в современной мультипликации // Конструируя детское: филология, история, антропология / Ред. М.Р. Балина, В.Г. Безрогов, С.Г. Маслинская. – М.-СПб: Нестор-История, 2011. – С. 261.

Ирина Владимировна ВОЛКОВА

| Пушкинский юбилей 1937 г. для молодых комбатантов Великой Отечественной войны |

мятник в столице. Однако, невзирая на проведенный конкурс, этот проект не продвинулся дальше идей и эскизов, которые отображали титанические попытки поэта вырваться из узилища своего дискомфортного времени в пространство советских зрителей и были эстетически неудовлетворительны⁶². В результате единственным объектом городской коммеморации поэта оставался старый опекушинский памятник. Правда, радикально поменявший свою знаковую и природу по ходу юбилейного «ребрендинга». Спокойный, статуарный и величавый (как раз этим не нравившийся экспертам, вроде Ю. Тынянова) он превращался в триумфатора, вызволенного из плена своего неблагодарного времени и с достоинством принимающего почести социалистического Отечества.

Однако конечное переосмысление пушкинского памятника этим не ограничивалось и намного выходило за пределы операции, которую называет Шлегель – выключение из одного социокультурного контекста и включение в другой⁶³. Еще митинг 10 февраля перекодировал его из мемориала усопшего поэта в главное вместилище его возобновленного посюстороннего бытия. По ходу торжеств эта трансформация обростала «доказательной базой». Например, ученик 125-й школы Женя Фосс писал о любовании Пушкина видом сталинской Москвы и москвичей:

Прошло сто лет, и в бронзе ты стоишь;
На город смотришь с пьедестала,

⁶² Беляев, М.Д. Отражение юбилея Пушкина в изобразительном искусстве // А.С. Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. – Вып.6. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1941. – С. 504.

⁶³ Шлегель, К. Террор и мечта. Москва 1937. – М.: РОССПЭН, 2011. – С. 201.

И кажется, любуясь, говоришь:

«Так вот она Москва какою стала».⁶⁴

Посылка одушевленности памятника была положена в основу сквозного юбилейного сюжета – его коммуникации с людьми. Начало ему дал рассказ А.В. Луначарского о встреченной им у памятника Пушкину в усадьбе Остафьево группе комсомольцев: они долго и внимательно рассматривая памятник с высеченным на постаменте приветствием «младому племени», а одна девушка негромко произнесла: «Здравствуй, Пушкин!»⁶⁵. Фотографии, плакаты, картины 1937 г. запечатлели такие же группы, пристально вглядывающиеся в фигуру поэта на Тверском бульваре как бы в ожидании его отклика. Впрочем, журналист Д. Осипов уверял сограждан в эмпатии к ним бронзового Пушкина: он любит их так же, как и они его. Во всяком случае, как писал журналист, невозможно представить, чтобы он обращался к делегациям 1880 и 1899 гг., которые шествовали мимо него на Страстной площади, с тем же лозунгом «Здравствуй, племя младое, незнакомое», с каким он обращался к советским людям⁶⁶. Апофеозом «вдуновения жизни» в памятник стал эпизод на торжественном заседании в Большом театре: наряду с установленным над ложами большим портретом поэта, на сцене высился его памятник в полный рост, с вытянутой рукой и спадающим с плеча плащом, являвшийся отдаленной репликой опекушинского изваяния. Развернувшись к нему, один из главных ораторов

⁶⁴ Толстов, А.С. А.С. Пушкин в школе // Красная новь. – 1937 – №1. – С. 228.

⁶⁵ Волин, Б.М. Пушкинский календарь. К столетию со дня гибели А.С. Пушкина. 1837–1937. – М.: Соцэкгиз, 1937. – С. 139.

⁶⁶ Осипов, Д. Достоевскому ответила жизнь // Правда. – 1937. – 10 февраля. – С. 2.

Ирина Владимировна ВОЛКОВА

| Пушкинский юбилей 1937 г. для молодых комбатантов Великой Отечественной войны |

ров Л.А. Безыменский в присутствии всего зала и высших руководителей страны «удостоверил» его «жизненный тонус»: «К нему – живому – обращаем мы песню своего сердца...

Ты здесь, на трибуне!
Ты слушаешь нас!
Ты слышишь, поэт,
Комсомольское слово!⁶⁷

Об успешной операции вживления пушкинского духа в памятник свидетельствовал приход к нему на Тверской бульвар гостей-старшеклассников новогодней ночью 1937 г.: они читали ему стихи, а под конец, призвав его в свидетели, произнесли клятву верности завету своего кумира («Пока свободой горим, пока сердца для чести живы...»)⁶⁸.

Если отождествление памятника с поэтом имело давнюю традицию⁶⁹, то отождествление памятника с «живым» поэтом было куда более раритетным явлением. Накладываясь на другую тенденцию юбилея, которая произвела Пушкина в ранг сверхъестественного существа, оно наделяло памятник его иерофанией. Однако вряд ли идентичной той, которая была присуща суровому богу иудеев или христианскому Сыну божьему, создавшему, по определению Э. Канетти, «оплакивающую стаю»⁷⁰. Через голову мировых монотеистических религий матрица восприятия Пушкина скорее регрессировала к образам богов античного мира. Причина тому видится в двойственной сущности этих богов, сближавшей с ними Пушкина как объект культа

своего имени. И те, и другой были учителями, которые и после своего ухода с физического плана продолжали наставлять людей и дарить им радость. Но и те, и другой в своей прошлой земной ипостаси разделяли страсти и слабости людей, что облегчало адептам возможность идентифицироваться с ними и обуславливало их популярность. Как справедливо пишут современные авторы, культ Пушкина был одновременно культом и гения, и обычного несовершенного человека, что позволяло почти любому «верующему» легко отождествляться с предметом своего поклонения⁷¹. Правда, в отличие от древних божеств, периодически являвшихся людям и снова удалявшихся в свои обители, Пушкин навсегда водворялся у площади своего имени, превращая ее в иеротопию столицы.

Изменение онтологического статуса поэта и его памятника ожидаемо перетекало в негласную конвенцию их взаимозаменяемости и обосновывало правомерность художественных манипуляций. Например, чествования живого «опекушинского изваяния» в Губкинском институте, метонимической подмены поэта в пушкинском уголке 110-й московской школы изображением его памятника, испускающим свет и ассоциирующимся с живой материей. Как субститут поэта силуэт памятника, выведенный на театральном заднике, присутствовал во МХАТовской постановке 1943 г. пьесы М. Булгакова «Последние дни» (альтернативное название «Александр Пушкин»), в которой не предусматривалось сценической роли Пушкина⁷². Этот новый смысловой горизонт памятни-

⁶⁷ Речь поэта Безыменского // Правда. – 1937. – 11 февраля. – С. 4.

⁶⁸ Либединская, Л. Зеленая лампа (сборник). – М.: ЛитРес, 2012. – С. 19.

⁶⁹ Так, по словам некоторых крестьян начала XX в., ездивших в Москву, они знали Пушкина, т.к. видели его памятник на Тверском бульваре (см. Замотин Н. Литературные страницы о Пушкине в газетах // Литературная учеба. – 1937. – № 1. – С. 137.

⁷⁰ Канетти, Э. Масса и власть. – М.: АСТ, 2020. – С. 218.

⁷¹ Naeng Guy Choi, Stepano «Пушкиноверние» в творчестве Татьяны Толстой / *RUSLIT 1184. Journal: Pre-Proof*. DOI: <http://doi.org/10.1016/j.ruslit/2202.02.004>. С.11 (дата обращения 02.07.2022).

⁷² Омори, М. Творчество М.А. Булгакова в советском культурном контексте 1930-х: образ А.С. Пушкина и мо-

Ирина Владимировна ВОЛКОВА

| Пушкинский юбилей 1937 г. для молодых комбатантов Великой Отечественной войны |

ка открывал простор для его мифологизации. В частности, приписывания ему неуязвимости по ходу уличных боев в Москве осенью 1917 г. и особенно во время Великой Отечественной войны, когда он оставался единственным не замаскированным и при том неповрежденным столичным монументом⁷³. В самые трудные дни войны бронзовый человек на пьедестале поддерживал москвичей и защитников столицы. По словам поэта-фронтовика В. Захарченко, он взывал к их мужеству и бесстрашию, когда враг подступал к городу:

Словно врублен силуэтом
гордым
в небо предрассветное Моск-
вы,
поднял он над затемненным
городом
бронзовую глыбу головы.
Пушкин!..
Я не знал его таким!

Тех, кто направлялся мимо него на передовую линию, он настраивал на победный лад, о чем от своего имени и от лица своих товарищей по оружию поведал участник событий Я. Козловский:

На фронт, в огонь,
вы провожали нас
И верили, что наше
поколение
Не в силах враг по-
ставить на колени,
Как не поставить на
колени вас

тив бессмертия художника // Новый филологический вестник. – 2014. – № 1. – С. 74.

⁷³ Никулин, Л. Осуществилась мечта великого поэта // Правда. – 11 февраля. – С. 1; Охота к перемене мест URL: <http://moslenta.ru/2015g.15avgusta> (дата обращения: 25.08.2022)

Исходящие от человека-памятника ободряющие токи подтверждали действенность заключенного с ним в 1937 г. неформального союза, который не только возвысил «младое племя», но и осенил его своей благодатной силой. В той же логике сакрального покровительства нечаянно обретенные на дорогах войны или пронесенные в вещмешках томики Пушкина нередко обретали значение оберегов. Некоторые экземпляры со следами пулевых и осколочных повреждений, то есть удара, принятого на себя и отведенного от владельца книги, по окончании войны стали музейными экспонатами⁷⁴. А часто звучавшие на фронте пушкинские стихи для молодых бойцов были не только сладкозвучной вестью о родине, но и напоминанием об обязывающих отношениях с кумиром, которые заставляли снова и снова напрягать силы. Именно так это передал участник боев за Пушкинские горы С. Смирнов:

А за тройным колючим ча-
стоколом
За ржавыми спиралями Бруно
Наш Пушкин был... Казалось
в это время,
Что нам сквозь гром и вою-
щий металл
Поэт навстречу шёл и...
«Здравствуй, племя
Младое, незнакомое», – шеп-
тал.

⁷⁴ Мы с Пушкиным спасли страну. URL: <http://vokrugknig.blogspot.com/2015/06/blog-post> (дата обращения: 30.08.2022)

Ирина Владимировна ВОЛКОВА

| Пушкинский юбилей 1937 г. для молодых комбатантов Великой Отечественной войны |

Заключение

При видимой удаленности от милитаристских потребностей юбилей 1937 г. явился важным этапом становления и подготовки к войне молодого поколения. Заняв значимое положение в коммеморативных мероприятиях, он активно участвовал в переработке пушкинского мифа под углом зрения героизации и превращения поэта во всеобъемлющий и актуальный символ борьбы за высокие человеческие ценности. Несмотря на идеологическую ангажированность и черно-белую колористику, такой продукт содействовал соединению дореволюционного и советского периодов, своей страны с остальным миром в едином историческом нарративе.

В то же время предельная поляризация героев и антигероев мифа в его детско-юношеском прочтении, соответствовавшая конечному столкновению сил добра и зла, показывала психологическую готовность к *священной* войне. Примечательно и то, что данная диспозиция выводилась на трансцендентный уровень – преданием врагов поэта вечному проклятию и, наоборот, дарованием «юбиляру» второй бесконечной жизни в единении с народом и в осознании своего могущества. И хотя источником этих обращений являлось не потустороннее вмешательство, а воля масс, положенная в их основу идея посмертного воздаяния восходила к религиозному дискурсу. В этом плане юбилей демонстрировал не раз отмечавшееся исследователями влияние религиозных архетипов на идеологию и сознание советского общества⁷⁵. Это же относилось и к превращению пушкинского наследия в сакральный символ отечественной культуры и обожествлению

самого поэта. Необъявленное, но от этого не менее явственное, оно проливалось и на его читателей из «младого племени». Максимально приблизив их поэту, юбилей сделал каждого немного «Пушкиным», а, значит, отчасти сверхчеловеком.

Список литературы

Гуркина, Н.К. Символика пушкинского юбилей 1937 года // Общественная атмосфера накануне войн XIX–XX вв.: историко-психологические аспекты: материалы XLIX Международной научной конференции. – СПб: ООО «Полторак», 2021. – С. 125–132.

Карпенко, Т.Ю. Карпенко, Л.Б. Юбилейные «языковые клише» о Пушкине, или поэт на службе государства // Вестник Самарского государственного университета История, педагогика, литературоведение, языкознание. – 2016. – № 4. – С. 72–79.

Malinovskaya O. (2015) *Teaching Russian Classics in Secondary School Under Stalin (1936–1941)*. Doctor Diss. Trinity Term, Lincoln College. 374.

Slater, W. (1999). The Patriots' Pushkin. *Slavic Review*. No 2. P. 407–427.

Николаев, Р.М. Попов, Е.А. Литературные юбилеи в СССР и практики коммеморации в сталинской культуре // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. – 2021. – № 4. – С. 106–114.

Шлегель, К. Террор и мечта. Москва 1937. – М.: РОССПЭН. 2011. – 741 с.

Дружников Ю. Пушкин, Сталин и другие поэты. 1993: URL: <https://www.druzhnikov.com/text/rass/duel/9.html>

Бранденбергер: Д.Л. Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального сознания. – СПб.: Академический проект, 2009. – 416 с.

Можегов, В.И. Идеология богостроительства как основание культа А. С. Пушкина в СССР // Ярославский педагогический вестник – 2018. – № 4. – С. 288–292.

⁷⁵ Гайлит, О. Религия в «молодом» обществе: заметки о становлении советской повседневности // Антропологический форум. – 2012. – № 16. – С. 292, 305.

Ирина Владимировна ВОЛКОВА

| Пушкинский юбилей 1937 г. для молодых комбатантов Великой Отечественной войны |

Молок, Ю. Пушкин в 1937 году. – М.: Новое Литературное Обозрение, 2000. – 266 с.

Платт, Дж. Б. «Здравствуй, Пушкин!» Сталинская культурная политика и русский национальный поэт. – СПб.: Издательство Европейского университета, 2017. – 352 с.

Добренко, Е. Формовка советского читателя. Социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. – М.: Академический проект, 1997. – 321 с.

Kirschenbaum, L.A. (2001) *Small Comrades. Revolutionizing Childhood in Soviet Russia, 1917–1932*. Routledge, New York. 232.

Weiner, A. (2002) *Making Sense of Revolution. The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution*. Princeton University Press. 432.

Красильников, С.А. 1930-й год как пролог большого террора // История сталинизма: жизнь в терроре. Социальные аспекты репрессий. – М.: РОССПЭН, 2013. – С. 112–119.

Круглова, Т.А. Антропологические трансформации и художественные репрезентации жизни в терроре: страх и энтузиазм как мотивы соцреализма // История сталинизма: жизнь в терроре. Социальные аспекты репрессий. – М.: РОССПЭН, 2013. – С. 226–236.

Иванов, С.П. Берегите, собирайте Пушкина. Он “собирал Россию...” Могила Пушкина и Святогорский монастырь до и после юбилейных торжеств 1937 года (по страницам записи книг-впечатлений музея-заповедника // Псков. – 2012. – № 37. – С. 212–221.

Торчинов, Е. Религии мира: опыт запредельного. Психотехника и трансперсональные состояния. – СПб.: Азбука-Классика, 2005. – 539 с.

Элиаде, М. История веры и религиозных идей от Гаутамы Будды до триумфа христианства. – М.: Академический проект, 2012. – 676 с.

Кларк, К. Советский роман. История как ритуал. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2002. URL: <https://fibusta.org.ua/b/578415>

Маслинская, С.Г. (Леонтьева). Жизнь после смерти: пионеры-герои в современной мультипликации // Конструируя детское: филология, история, антропология / Ред. М.Р. Балина, В.Г. Безрогов, С.Г. Маслинская. – М.-СПб: Нестор-История, 2011. – С. 254–265.

Канетти, Э. Масса и власть. – М.: АСТ, 2020. – 704 с.

Haeng Guy Choi, Andrei D. Stepanov. «Пушкиноверие» в творчестве Татьяны Толстой /RUSLIT 1184. Journal: Pre-Proof. DOI: <http://doi.org/10/1016/j.ruslit/2202.02.004>

Омори, М. Творчество М.А. Булгакова в советском культурном контексте 1930-х: образ А.С. Пушкина и мотив бессмертия художника // Новый филологический вестник. – 2014. – № 1. – С. 70–81.

Гайлит, О. Религия в «молодом» обществе: заметки о становлении советской повседневности // Антропологический форум. – 2012. – № 16. – С. 288–308.

Irina V. VOLKOVA

| Pushkin's Anniversary 1937 for the Young Combatants of the Great Patriotic War |

Irina V. VOLKOVA

National Research University Higher School of Economics
21/4, Staraya Basmannaya str., Moscow, 105066, Russian Federation
Professor; Doctor of Science (History), Associate Professor
ORCID: 0000-0002-4835-8082
E-mail: wolkowa-irina@yandex.ru.

PUSHKIN'S ANNIVERSARY 1937 FOR THE YOUNG COMBATANTS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

The article highlights the role of Pushkin's jubilee of 1937 in the development of the young front-line generation of the USSR. Introduced in 1937 for the most part by schoolchildren, it has taken a privileged position in commemorative events and their main beneficiary. The reduction of the hierarchical and ideological distance between the "anniversary" and his young admirers, their initiatory initiation into the Pushkin cult, largely predetermined the identity built on the feeling of personal and generational chosenness. Like Pushkin, crowned with the laurels of a victor over his enemies and time, the representatives of this generation saw themselves in a triumphal halo even before the first volleys of war thundered. In the hope of being a post-mortem, which was inspired by

Pushkin's precedent, many, even before the circumstances justifying this, aspired to mythologizing their lives and turning it into a "place of memory." The transformation of Pushkin's legacy into a sacred symbol of national culture and the deification of the poet himself were of great importance for this generation. Unannounced, but no less clear for that, it also spilled over to his admirers from the "young tribe". Bringing them as close as possible to the poet, the anniversary made everyone a little "Pushkin", and, therefore, partly a superman.

148

Key words: young generation, commemorative practices, feeling of exclusivity.

References

- Gurkina, N.K. (2021). Simvolika pushkinskogo yubileya 1937 goda [Symbolism of Pushkin's anniversary in 1937]. *Obshchestvennaya atmosfera nakanune vojn XIX-XX vv.: istoriko-psihologicheskie aspekty: materialy XLIX Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*. SPb.: OOO «Poltorak». P. 125–132. (In Russian)
- Karpenko, T.YU. Karpenko L.B. (2016) YUbilejnye «yazykovye klishe» o Pushkine, ili poet na sluzhbe gosudarstva [Anniversary "linguistic clichés" about Pushkin, or the poet in the service of the state]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta Istorija, pedagogika, literaturovedenie, yazykoznanie*. 4. 72–79. (In Russian)
- Malinovskaya, O. (2015) *Teaching Russian Classics In Secondary School Under Stalin (1936–1941)*. Doctor Diss. Trinity Term. 374.
- Slater, W. (1999) "The Patriots' Pushkin". *Slavic Review*. 2. 407–427.
- Nikolaev, R.M. Popov, E.A. (2021) Literaturnye yubilei v SSSR i praktiki kommemoracii v stalinskoj kul'ture [Literary anniversaries in the USSR and the practice of commemoration in Stalinist culture]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*. 4. 106–114. (In Russian)
- SHlegel', K. (2011) *Terror i mechta. Moskva 1937* [Terror and Dream. Moscow 1937] Moscow, ROSSPEN. 741. (In Russian)
- Druzhnikov, YU. (1993) *Pushkin, Stalin i drugie poety* [Pushkin, Stalin and other poets]: <https://www.druzhnikov.com/text/rass/duel/9.html> (In Russian)

Irina V. VOLKOVA

| Pushkin's Anniversary 1937 for the Young Combatants of the Great Patriotic War |

Brandenberger, D.L. (2009) *Nacional-bol'shevizm. Stalinskaya massovaya kul'tura i formirovanie russkogo nacional'nogo soznaniya* [National Bolshevism. Stalinist mass culture and the formation of Russian national consciousness] St. Petersburg, Akademicheskij proekt. (In Russian) 416.

Mozhegov, V.I. (2018) Ideologiya bogostroitel'stva kak osnovanie kul'ta A. S. Pushkina v SSSR [The ideology of God-building as the basis of the cult of A. S. Pushkin in the USSR] *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik*. 4. 288–292. (In Russian)

Molok, YU. (2000) *Pushkin v 1937 godu* [Pushkin in 1937] Moscow, Novoye Literaturnoe Obosrenie 266. (In Russian)

Platt Dzh. B. (2017) *"Zdravstvuj, Pushkin!" Stalinskaya kul'turnaya politika i russkij nacional'nyj poet* [Greetings, Pushkin!] Stalin's cultural policy and the Russian national poet] St. Petersburg, Izdatelstvo Evropejskogo Universiteta. 352. (In Russian)

Dobrenko, E. (1997) *Formovka sovetskogo chitatelya. Social'nye i esteticheskie predposylki recepcii sovetskoj literatury* [Formation of the Soviet reader. Social and aesthetic prerequisites for the reception of Soviet literature] Moscow, Akadcheskij Proekt. 321. (In Russian)

Kirschenbaum, L.A. (2001) *Small Comrades. Revolutionizing Childhood in Soviet Russia, 1917–1932*. Routledge, New York. 232.

Weiner, A. (2002) *Making Sense of Revolution. The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution*. Princeton University Press. 432.

Krasil'nikov, S.A. (2013) 1930-j god kak prolog bol'shogo terror [1930 as a prologue to the Great Terror] *Istoriya stalinizma: zhizn' v terrore. Social'nye aspekty repressij*. Moscow, ROSSPEN.112-119. (In Russian)

Kruglova, T.A. (2013) Antropologicheskie transformacii i hudozhestvennye reprezentacii zhizni v terrore: strah i entuziazm kak motivy sorealizma [Anthropological transformations and artistic representations of life in terror: fear and enthusiasm as the motives of socialist realism]. *Istoriya stalinizma: zhizn' v terrore. Social'nye aspekty repressij*. Moscow, ROSSPEN.226-236. (In Russian)

Ivanov, S.P. (2012) Bereгите, sobirajte Pushkina. On "sobiral Rossiyu..." Mogila Pushkina i Svyatogorskiy monastyr' do i posle yubilejnyh torzhestv 1937 goda (po stranicam zapisi knig-vpechatlenij muzeya-zapovednika

[Take care, collect Pushkin. He "gathered Russia..." Pushkin's grave and the Svyatogorskiy monastery before and after the anniversary celebrations of 1937 (according to the pages of the museum's impression books)]. *Pskov*. V. 37. 212–221. (In Russian)

Torchinov, E. (2005) *Religii mira: opyt zapredel'nogo. Psihotekhnika i transpersonal'nye sostoyaniya* [Religions of the World: Experience of the Beyond. Psychotechnics and transpersonal states] St. Petersburg, Azbuka-Klassika. 536. (In Russian)

Eliade, M. (2012) *Istoriya very i religioznych idej ot Gautamy Buddy do triumfa hristianstva* [History of Faith and Religious Ideas from Gautama Buddha to the Triumph of Christianity] Moscow, Akademicheskij proekt. 676. (In Russian)

Klark, K. (2002) *Sovetskij roman. Istoriya kak ritual*. [Soviet novel. History as ritual] – Ekaterinburg: izdatel'stvo Ural'skogo universiteta (In Russian)

Maslinskaya, S.G. (Leont'eva) (2011). ZHizn' posle smerti: pionery-geroi v sovremennoj mul'tiplicacii. [Life after death. Pioneer heroes in modern animation]. *Konstruiruya detskoe: filologiya, istoriya, antropologiya* / Red. M.R. Balina, V.G. Bezrogov, S.G. Maslinskaya. – M.-SPb: Nestor-Istoriya. 254–265. (In Russian)

Kanetti, E. (2020) *Massa i vlast'* [Mass and power] Moscow: AST. (In Russian)

Haeng Guy Choi, Andrei D. Stepanov (2022). «Pushkinovermie» v tvorchestve Tat'yany Tolstoj [Pushkin believers" in the work of Tatyana Tolstaya] / *RUSLIT 1184. Journal: Pre-Proof. DOI: http://doi.org/10/1016/j.ruslit/2202.02.004* (In Russian)

Omori, M. (2014) Tvorchestvo M.A. Bulgakova v sovetskom kul'turnom kontekste 1930-h: obraz A.S. Pushkina i motiv bessmertiya hudozhnika [Creativity M.A. Bulgakov in the Soviet cultural context of the 1930s: the image of A.S. Pushkin and the motif of the artist's immortality]. *Novyj filologicheskij vestnik*. 1. 70–81. (In Russian)

Gajlit, O. (2012). Religiya v «molodom» obshchestve: zametki o stanovlenii sovetskoj povsednevnosti [Religion in the "young society: notes on the formation of Soviet everyday life]. *Antropologicheskij forum*. 16. 288–308 (In Russian).

